

Анастасия Вель

Девять касаний
И
одно прощание

18+

Анастасия Вель

Девять касаний и одно прощание

«Автор»

2025

Вель А.

Девять касаний и одно прощание / А. Вель — «Автор», 2025

Рим, город вечной красоты, стал для Анны Морелли, некогда успешной писательницы, лабиринтом собственного одиночества. После сокрушительного расставания она потеряла не только вдохновение, но и способность чувствовать. В отчаянной попытке вернуть себя, она решается на эксперимент: девять встреч, девять касаний, девять отражений в глазах других людей. Это не поиски любви, а путешествие вглубь своей души, где каждое прикосновение — шаг к исцелению. От спонтанной ночи со случайным барменом, пробуждающей забытую телесность, до опасной игры с опытным финансистом; от болезненного прощания с прошлым до неожиданной нежности. Ее путь — это калейдоскоп эмоций: любопытство, боль, страх и уязвимость. За каждым шагом незримо наблюдает фотограф Лоренцо, чьи снимки становятся безмолвной летописью ее преобразования. Каждая встреча — это глава, а последнее, десятое касание — прощание с той, кем она была, и встреча с той, кем стала. Это история о том, как через найти дорогу к себе и вновь научиться жить!

© Вель А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Эхо забытого тела	5
Театр теней и власти	11
Шрамы, которые мы целуем	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анастасия Вель

Девять касаний и одно прощание

Эхо забытого тела

Рим дышал жаром даже ночью, выдыхая в открытые окна дневную усталость раскаленных камней. Анна сидела в кресле, подтянув колени к груди, и смотрела на город, который перестал быть для нее домом, превратившись в огромный, богато украшенный мавзолей. Мавзолей ее чувств, ее слов, ее самой. За окном, в раме из плюща, рассыпались по холмам огни, похожие на упавшие звезды, но их свет не достигал ее, застревая в толстом, вязком стекле ее апатии. Уже год. Триста шестьдесят пять пустых вращений земли, триста шестьдесят пять рассветов, которые она не встречала, и закатов, которых не провожала. Они просто случались, как случается прибой с безразличными к нему скалами.

Ее квартира, когда-то бывшая средоточием жизни, споров и смеха, теперь напоминала музей заброшенных вещей. Книги на полках, казалось, покрылись невидимым слоем пыли – пыли забвения. Ноутбук на столе спал мертвым сном, на его темном экране отражалось ее бледное, невыразительное лицо. Последний открытый файл назывался «Глава четвертая», и курсор в нем застыл на середине предложения год назад. Он так и мигал там несколько недель, словно отчаянное, слабое сердцебиение, а потом погас, когда сел аккумулятор. Она больше не заряжала его. Слова ушли. Они покинули ее вместе с ним, забрав с собой все цвета, все вкусы, все ощущения. Он ушел, и мир стал плоским, двухмерным, как плохая фотография.

Его звали Марко. Имя, которое она больше не произносила вслух, но которое эхом отдавалось в каждом ударе ее сердца, в каждой паузе между мыслями. Он был ее архитектором, не только по профессии, но и по сути. Он выстроил ее мир, наполнил его смыслом, светом и воздухом, а потом одним движением вынул несущую стену, и все рухнуло, погребая ее под обломками. Расставание было не просто болезненным, оно было аннигилирующим. Оно стерло ее, оставив лишь оболочку, пустой контур, который продолжал по инерции дышать, ходить, покупать продукты в маленькой лавке на углу. Лавочник, синьор Марио, каждый раз спрашивал: «Все хорошо, синьорина?», и она каждый раз кивала, изображая улыбку, которая не доходила до глаз. Ее глаза, когда-то живые, чуть насмешливые, теперь были похожи на два потухших колодца.

Она встала и подошла к книжному шкафу. Ее пальцы, длинные, тонкие, скользнули по корешкам. Вот ее книга. Единственная. «Шелковая тишина». Удивительно, но она все еще продавалась. Критики назвали ее «пронзительным и тонким дебютом», «романом, написанным на выдохе». Сейчас ей казалось, что его написал кто-то другой. Та женщина умела чувствовать, умела превращать боль в метафоры, а любовь – в кружево из слов. Эта женщина умерла. Анна провела пальцами по своему имени на обложке. Анна Морелли. Кто это? Просто набор букв.

Она помнила, как Марко говорил, что ее руки – это отдельное произведение искусства. Он мог часами держать их в своих, целовать каждый палец, восхищаясь их изяществом. Сейчас ее руки казались ей чужими, двумя бледными пауками, живущими своей, отдельной от нее жизнью. Они все еще могли держать чашку кофе, могли набирать номер телефона издателя, чтобы в очередной раз сказать, что рукопись «почти готова», но они разучились главному – они разучились касаться. Касаться клавиш, чтобы рождался текст. Касаться другого человека,

чтобы почувствовать тепло. Касаться собственной кожи, чтобы убедиться, что она еще существует.

Тело. Оно стало тюрьмой. Молчаливой, послушной, но абсолютно чужой. Она кормила его, мыла, укладывала спать, но не чувствовала его. Оно было просто механизмом, который нужно было поддерживать в рабочем состоянии. Иногда по ночам она просыпалась от фантомного ощущения его прикосновений – тяжесть его руки на ее бедре, его дыхание на ее шее. И тогда на мгновение тело вспоминало, как быть живым, и вздрагивало, пронзенное судорогой памяти. Но потом все снова застывало, превращаясь в холодный мрамор.

Идея пришла внезапно, как приходит лихорадка. Резкая, иррациональная, безумная. Если она больше не может найти себя внутри, может, стоит поискать снаружи? В отражениях. В глазах других людей. Не искать любовь, Боже упаси. Любовь была разрушительной силой, ядом, который она больше не хотела пробовать. Искать что-то другое. Ощущение. Эхо. Отклик.

Девять. Число показалось ей правильным. Мистическим, завершенным. Девять встреч. Девять касаний. Девять незнакомцев, которые станут для нее зеркалами. Она не будет искать в них утешения или страсти. Она будет искать в них себя. Крошечные осколки своего «я», которые, возможно, удастся собрать во что-то целое. Это был не план, а скорее акт отчаяния. Эксперимент сумасшедшего ученого, где подопытным кроликом было ее собственное сердце, ее собственная душа. Она подошла к столу, нашла ручку, которая долго не писала, расписала ее на полях старой газеты. На чистом листе она вывела одно слово: «Начало».

Первый шаг был самым трудным. Выйти из дома не за продуктами или в аптеку, а просто так. Без цели. Позволить городу поглотить себя. Она надела простое черное платье, то, что не требовало от нее ничего – ни настроения, ни повода. Распустила темные волосы, которые волнами упали на плечи. В зеркале отразилась высокая, стройная женщина с усталыми глазами. Она была красива той отстраненной, холодной красотой, которая восхищает, но не греет. Она подкрасила губы красной помадой – единственный яркий штрих, вызов серости своего существования.

Рим встретил ее гулом голосов, запахом цветущих олеандров и подгоревшей пиццы. Туристы текли рекой по узким улочкам Трастевере, смеясь, фотографируя, живя. Анна чувствовала себя песчинкой, занесенной в этот бурный поток, но не являющейся его частью. Она шла, не разбирая дороги, позволяя ногам самим выбирать путь. Ее вела не логика, а какая-то внутренняя потребность в месте, где много теней и приглушенного света.

Она нашла его случайно. Небольшой бар, спрятанный в глубине переулка, с вывеской, на которой почти стерлись буквы. Внутри царил полумрак, пахло деревом, джином и чем-то неуловимо старым, как пыль на антикварных книгах. За длинной стойкой из темного, истертого дерева хозяйничал молодой бармен. Ему было не больше двадцати пяти. Светлые вьющиеся волосы, открытая улыбка, ловкие, быстрые движения. В нем не было ничего особенного, никакой роковой красоты или загадочности. Он был просто живой. И в этом было все.

Анна села на высокий стул в самом дальнем углу, где тень была гуще всего. Она заказала негрони, горький, как ее жизнь. Она смотрела, как бармен – кажется, его звали Лука, так к нему обратился кто-то из посетителей – виртуозно смешивает напитки. Его руки порхали, как птицы, между бутылками, шейкерами и бокалами. Он был воплощением движения, энергии, самой жизни, которая в ней давно остановилась.

В другом конце бара сидел мужчина. Он был старше Луки, может, ближе к ее возрасту или чуть больше. Он не пил, перед ним стоял лишь стакан воды. В руках у него была камера, старая, пленочная «Лейка». Он не фотографировал людей в открытую. Он ловил моменты: блик света на бутылке, изгиб чьей-то руки со стаканом, тень, упавшую на стену. Его взгляд был цепким, внимательным, как у хищника, но при этом отстраненным. Он был наблюдателем. В какой-то момент их глаза встретились. Его – темные, пронзительные, под чуть нахмуренными бровями. Он не улыбнулся, не отвел взгляд. Он просто смотрел, словно кадрировал ее в своем видеоискателе, словно видел не только черное платье и красные губы, а всю ту пустоту, что стояла за ними. Анне стало не по себе. Она первая опустила глаза, уставившись на кубики льда в своем бокале. Этот человек видел слишком много.

Она допила свой коктейль. Потом заказала второй. Горечь алкоголя приятно обжигала горло, но не приносила опьянения. Она была слишком далеко, слишком глубоко в своем коконе, чтобы алкоголь мог до нее добраться. Лука поставил перед ней второй бокал и улыбнулся.

– Тяжелый день? – спросил он просто, без флирта, без скрытого смысла. Простое человеческое участие.

– Тяжелый год, – ответила Анна, сама удивившись своей откровенности.

Он кивнул, словно понял.

– Иногда помогает просто сменить напиток. Или город.

– А если не помогает? – спросила она, вертя в пальцах влажный от конденсата бокал.

– Тогда, наверное, нужно сменить себя, – он пожал плечами и отвлекся на другого клиента.

Сменить себя. Легко сказать. Она пыталась. Она написала книгу, чтобы изжить свою прошлую боль. Она влюбилась в Марко, чтобы построить новую себя. И где она теперь? На руинах.

Мужчина с камерой встал, чтобы уйти. Проходя мимо нее, он на мгновение задержался.

– Хороший свет, – сказал он тихо, кивнув в ее сторону. – Контрастный.

И ушел, оставив Анну в полном недоумении. Свет? Здесь, в этом темном углу? Она посмотрела на себя. Черное платье, бледная кожа, алые губы. Контраст. Может, он говорил об этом. Или о чем-то еще.

Она просидела в баре до закрытия. Посетители разошлись, музыка стихла. Остались только она и Лука, который протирал стойку.

– Вам некуда идти? – спросил он мягко.

Анна посмотрела на него. В его глазах было простое, незамутненное любопытство. Не жалость. Это было важно.

– Есть куда, – сказала она. – Но не хочется.

Он закончил работу, снял фартук.

– Я могу вас проводить. Рим ночью бывает недружелюбным.

Она колебалась лишь мгновение. Это был он. Первый. Первое касание. Любопытство. Спонтанность. Вкус свободы. Так она решила.

– Хорошо, – сказала она.

Они вышли на улицу. Ночной воздух был теплым и пах жасмином. Они шли молча. Тишина между ними не была неловкой. Она была... естественной. Он не пытался ее развле-

кать, не задавал лишних вопросов. Он просто шел рядом. Его присутствие было легким, ненавязчивым.

– Я живу здесь, – сказала Анна, остановившись у своего подъезда.

– Красивый дом, – сказал Лука, подняв голову и посмотрев на старый фасад, увитый плющом.

Наступила пауза. Сейчас он должен был попрощаться и уйти. Этого требовали правила приличия. Но ее эксперимент требовал другого.

– Хочешь выпить кофе? – спросила она, и ее собственный голос показался ей чужим.

Он посмотрел на нее внимательно, словно пытаясь прочесть что-то в ее глазах.

– Кофе в два часа ночи? Смело.

– Я не люблю спать, – ответила она правду.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Только я предпочитаю чай.

Ее квартира встретила их тишиной и запахом пыльных книг. Она вдруг остро почувствовала всю запущенность своего жилища, весь этот застывший траур. Ей стало стыдно.

– У меня беспорядок, – сказала она глухо.

– У всех творческих людей беспорядок, – легко ответил он, осматриваясь. – Это называется «вдохновение в процессе». Вы ведь писательница?

Она кивнула, удивленная его проникательностью.

– Видел вашу книгу в витрине недалеко отсюда. «Шелковая тишина». Красивое название.

Он не спросил, пишет ли она что-то сейчас. И она была ему за это благодарна.

Она поставила чайник, достала две чашки, которые, казалось, не использовала вечность. Ее руки слегка дрожали. Она чувствовала себя подростком на первом свидании. Глупо. Ей тридцать четыре. Она взрослая, успешная (когда-то) женщина. Но сейчас она была просто клубком нервов.

Они сидели на кухне. Он рассказывал о себе. Приехал в Рим из маленького городка на Сицилии, мечтает открыть свой бар, где будет играть джаз. Его рассказы были простыми, земными, в них не было экзистенциальной тоски и сложных рефлексий. Он говорил о вкусе лимонов, которые растут у него дома, о шуме моря, о том, как правильно смешивать кампари с джином. Анна слушала и впервые за долгое время не анализировала, не искала скрытых смыслов. Она просто слушала звуки его голоса.

Когда он закончил, снова повисла тишина. Он посмотрел на ее руки, лежавшие на столе.

– У вас руки пианистки. Или писательницы, – сказал он.

Потом он протянул свою руку и очень осторожно, почти невесомо, коснулся кончиками пальцев ее пальцев.

Первое касание.

Это было не похоже ни на что. Не страсть. Не нежность. Это был разряд тока, прошедший по мертвым проводам. Ее тело, такое далекое, такое чужое, вдруг отозвалось. Она вздрогнула, отдернув руку, как от огня.

– Прости, – сказал он, тут же убрав свою.

– Нет, все в порядке, – прошептала она. – Просто... я давно никого не...

Она не закончила.

Он смотрел на нее, и в его взгляде не было ни осуждения, ни желания. Только понимание. Такое простое и ясное, что ей захотелось плакать. Но она не плакала уже год.

Она встала, подошла к нему и, не давая себе времени на раздумья, поцеловала его.

Его губы были мягкими и теплыми, на вкус как мятный чай. Он ответил на поцелуй не сразу, сначала удивленно, а потом мягко и настойчиво. Это не был поцелуй-обещание или поцелуй-прелюдия. Это был поцелуй-вопрос. И она ответила на него, приоткрыв губы.

Они переместились в спальню. Она не помнила, как. Все происходило словно в тумане, в замедленной съемке. Она не думала. Впервые за год она не думала. Она действовала, подчиняясь какому-то древнему, забытому инстинкту.

Свет уличного фонаря пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на стенах и на их телах причудливые узоры. Он стянул с нее платье, и оно черной змеей соскользнуло к ее ногам. Ночной воздух коснулся ее кожи, и она поежилась. Он провел рукой по ее плечу, по изгибу спины, по бедру. Его прикосновения были уверенными, но не требовательными. Он не пытался ее соблазнить или зажечь. Он, казалось, просто изучал ее, как изучают карту незнакомой страны.

Анна лежала на кровати и смотрела в потолок. Она была наблюдателем. Она следила за ощущениями, которые рождались в ее теле, как за редкими, пугливыми животными. Вот его ладонь на ее животе – и легкий спазм где-то в глубине. Вот его губы на ее шее – и по коже пробегают мурашки. Это было так странно. Ее тело реагировало. Оно помнило. Оно было живым.

Он не говорил ни слова. И она была благодарна ему за это молчание. Слова бы все испортили. Слова принадлежали прошлому, принадлежали Марко. С ним все было пропитано словами, смыслами, обещаниями, упреками. Здесь же была только чистая физика. Эхо забытых ощущений.

Когда он вошел в нее, она не почувствовала ни экстаза, ни боли. Она почувствовала... присутствие. Присутствие другого человека внутри себя. Наполненность там, где так долго была пустота. Она вцепилась пальцами в его плечи, не от страсти, а от желания заземлиться, почувствовать реальность этого момента. Он двигался медленно, ритмично, и под этот ритм ее собственное тело начало оттаивать.

Это не была любовь. Это не была даже страсть в ее привычном понимании. Это было пробуждение. Как будто кто-то включил рубильник, и по давно обесточенной системе пошел слабый, но ощутимый ток. Она чувствовала текстуру простыней под спиной, чувствовала вес его тела, слышала его сбившееся дыхание и свое собственное, которого она так давно не замечала. Она закрыла глаза, и под веками вспыхнули какие-то цветные пятна. Цвета. Она забыла, что они существуют.

Он кончил тихо, почти беззвучно, уткнувшись лицом в ее волосы. Потом лег рядом, тяжело дыша. Анна лежала неподвижно, прислушиваясь к себе. Что она чувствует? Облегчение? Стыд? Разочарование? Ничего из этого. Она чувствовала удивление. И легкую, ноющую боль в мышцах, которые давно не работали. Это была хорошая боль. Боль, которая доказывала, что она не из камня.

Он заснул почти сразу, доверчиво и безмятежно, как ребенок. Анна долго лежала рядом, боясь пошевелиться. Она смотрела на его лицо в тусклом свете. Молодое, простое, безмятежное. Он был просто проводником. Случайным попутчиком, который помог ей сделать первый шаг. Он ничего от нее не хотел, ничего не требовал. Он просто был. И этого оказалось достаточно.

Под утро она встала и подошла к окну. Рассвет окрашивал небо над Римом в нежные, перламутровые тона. Город просыпался. И вместе с ним, кажется, просыпалось что-то и в ней. Она прижала ладонь к стеклу. Оно было холодным. А ее ладонь... ее ладонь была теплой. Она почувствовала это тепло. Впервые за год она почувствовала тепло своей собственной кожи.

Внизу, на почти пустой пьядца, она снова увидела его. Мужчину с камерой. Лоренцо. Она не знала его имени, но почему-то была уверена, что это он. Он стоял у фонтана, направив свой объектив не на величественные купола соборов, а вверх, на ее окно. На мгновение ей показалось, что он фотографирует не здание, не игру света на стекле, а ее саму, ее силуэт на фоне просыпающегося неба. Щелчок затвора был почти не слышен, но она его почувствовала. Как еще одно касание. Невидимое, но от этого не менее реальное.

Когда она вернулась в спальню, Луки уже не было. Он ушел по-английски, не прощаясь. На подушке лежал сложенный вдвое листок бумаги. Она развернула его. «Спасибо за чай», – было написано аккуратным, но простым почерком. И больше ничего. Ни номера телефона, ни обещания позвонить. Идеально.

Анна снова подошла к окну. Мужчины с камерой уже не было. Улицы наполнялись людьми, звуками, жизнью. Она стояла и смотрела на этот мир, который вдруг перестал быть плоской декорацией. Он снова обретал объем, глубину, цвет. Она еще не была его частью. Она все еще была зрителем. Но она больше не была слепой.

Она вернулась на кухню. На столе стояли две чашки – ее, с остатками горького негрони, и его, с недопитым мятным чаем. Она взяла свою руку и внимательно посмотрела на нее. Бледная кожа, тонкие пальцы, аккуратные ногти. Рука писательницы. Рука женщины. Она поднесла ее к лицу и вдохнула. Рука пахла его кожей, чем-то свежим, цитрусовым, и немного – ее собственными духами. Она сжала пальцы в кулак, потом разжала. Рука ее слушалась.

Она не была исцелена. Рана никуда не делась, она все так же зияла в ее душе. Но что-то изменилось. Сквозь толстый лед ее безразличия пробился крошечный, едва заметный росток. Ощущение. Эхо забытого тела. Оно было слабым, почти неразличимым, но оно было. И этого было достаточно для начала. Для первой главы.

Она подошла к столу, открыла ноутбук, который не открывала год, и включила его. Экран ожил, и на нем появилось то самое, незаконченное предложение. Она смотрела на него несколько минут, потом стерла все. Всю четвертую главу. Весь старый текст, пропитанный болью и прошлым. На чистой белой странице она напечатала заголовок: «Глава первая». Курсор замигал внизу, терпеливо ожидая. И впервые за долгое время Анна Морелли знала, о чем будет следующее слово.

Театр теней и власти

Прошла неделя. Неделя, сотканная из призрачного тепла на коже и странной, ноющей тишины в мышцах, которые вспомнили, что значит быть живыми. Ночь с Лукой не была откровением, она была эхом. Эхом в пустом колодце, которое лишь подтвердило его глубину и пустоту. Анна чувствовала себя исследователем, вернувшимся из первой экспедиции с единственным образцом – камнем, который оказался теплым на ощупь. Это было любопытно, но этого было недостаточно. Простое, земное тепло тела было лишь первой нотой в давно забытой мелодии. Оно пробудило слух, но не вернуло музыку. Она все еще была глуха к себе.

Ее ноутбук оставался открытым. Чистая страница под заголовком «Глава первая» смотрела на нее с укором и ожиданием. Она написала несколько абзацев, описывая тусклый свет бара, ловкость рук бармена, горечь негрони. Слова получались точными, отстраненными, как отчет патологоанатома. Она описывала ощущение, но не чувство. Она фиксировала событие, но не его суть. Чего-то не хватало. Возможно, следующая встреча должна была быть полной противоположностью первой. Если Лука был спонтанностью, инстинктом, самой юной, бесхитростной жизнью, то второй... второй должен был быть конструкцией. Игрой ума. Расчетом. Анна, писательница, привыкла иметь дело со структурами, с выстроенными мирами, где каждое слово на своем месте. Она боялась хаоса чувств, но мир продуманных стратегий был ей знаком. Она решила, что следующее касание должно быть не о теле, а о воле. Не о тепле, а о власти.

Она знала, где искать такую игру. В мире Марко, ее архитектора, власть была эстетикой. В мире, который она собиралась исследовать теперь, эстетика была лишь одним из инструментов власти. Мир больших денег, холодных решений и безупречных фасадов. Она нашла повод – благотворительный аукцион в галерее современного искусства. Место, где щедрость измерялась количеством нулей, а сострадание было формой демонстрации статуса. Идеальная сцена для театра теней.

Она готовилась к этому выходу, как актриса готовится к роли. Черное платье, простое и текучее, как у Луки, было убрано в шкаф. Сегодня она выбрала другое оружие. Платье цвета темного вина, строгого кроя, с закрытым воротом и асимметричным разрезом, лишь намекавшим на ногу при ходьбе. Оно было элегантным, но не соблазнительным. Оно было заявлением о контроле. Волосы она собрала в низкий, тугий узел, открыв шею и линию плеч. Красная помада была заменена на глубокий, почти сливовый оттенок. Она смотрела на свое отражение и видела незнакомку. Не ту бледную тень, что бродила по квартире, и не ту женщину, что поддалась минутному порыву в баре. Эта женщина в зеркале была собрана, сфокусирована, непроницаема. Она была готова играть.

Галерея гудела, как растревоженный улей. Воздух был плотным от запаха дорогих духов, шампанского и тихой, но всепроникающей ауры денег. Люди двигались плавно, их смех был приглушенным, жесты – выверенными. Вокруг висели огромные, тревожные полотна – абстрактные всплески цвета, которые, как ей сказали, символизировали «кризис современной идентичности». Анна подумала, что ее собственную идентичность можно было бы изобразить как совершенно белое полотно, на котором от долгого пребывания на солнце выцвели все краски.

Она взяла бокал шампанского и заняла позицию у одной из колонн, позволяя толпе обтекать себя. Она не искала взглядом. Она ждала, что взгляд найдет ее. Это было частью игры. Она была не охотником, а приманкой. Она чувствовала на себе взгляды – любопытные, оценивающие, мимолетные. Но она ждала одного, особенного. Взгляда, в котором не будет простого желания, а будет анализ.

И она его дождалась. Он стоял в группе из трех мужчин, одетых в безупречные костюмы. Он был старше остальных, может, лет сорока пяти. Седина тронула виски, но это лишь подчеркивало резкость черт его лица. Он не был красив в классическом понимании. В его лице была порода и усталость хищника, которому давно наскучила любая охота. Он держал бокал с виски, а не с шампанским. Он слушал собеседников, слегка склонив голову, но его глаза, холодные, светло-серые, скользили по залу. Они не задерживались на полуобнаженных плечах или ярких улыбках. Они сканировали пространство, словно искали слабое место в обороне. Когда его взгляд остановился на ней, Анна почувствовала не укол тщеславия, а легкий озноб. Он не раздевал ее глазами. Он, казалось, видел структуру костей под кожей, читал напряжение в линии ее плеч, измерял дистанцию, которую она выстроила вокруг себя. Он смотрел на нее так, как Марко смотрел на чертежи зданий – видя несущие конструкции, потенциальные трещины и скрытые возможности.

Он что-то коротко сказал своим спутникам и направился к ней. Он двигался неспешно, с уверенностью человека, для которого весь мир – его кабинет. Анна не отвела взгляд. Она встретила его приближение, чувствуя, как внутри все сжимается в тугий узел предвкушения и тревоги.

«Добрый вечер. Меня зовут Эрик. Кажется, мы с вами единственные, кому эти картины кажутся несколько... переоцененными». Его голос был низким, спокойным, без малейшего намека на флирт. Он звучал как констатация факта.

«Анна, – представилась она. – Возможно, мы просто не понимаем язык, на котором они говорят. Или они просто кричат бессмыслицу, но очень громко».

Он едва заметно улыбнулся, уголком рта. «Мне нравится ваша интерпретация. Она предполагает возможность диалога, даже если это диалог с сумасшедшим. Большинство здесь просто видят ценник».

«Ценник – это тоже язык, – парировала Анна. – Возможно, самый понятный из всех».

«Вы циник, Анна?» – спросил он, делая маленький глоток виски.

«Я реалист. Цинизм требует слишком много энергии, которую можно потратить на что-то более продуктивное».

«Например?» Его взгляд был прямым, почти физически ощутимым.

«Например, на то, чтобы понять правила игры, вместо того чтобы жаловаться на них».

Вот оно. Слово было произнесено. Игра. Он кивнул, словно она подтвердила его первоначальную гипотезу. «Вы говорите как человек, который играет, чтобы выигрывать. А я всегда думал, что для женщин важнее сам процесс».

«Возможно, вы просто играли не с теми женщинами», – сказала Анна, и сама удивилась своей смелости. Воздух между ними, казалось, стал плотнее, наэлектризовался. Это была не химия притяжения, а статика противостояния.

«Возможно, – согласился он без тени иронии. – Шумное место. И шампанское здесь отвратительное. Я знаю место неподалеку, где подают лучший виски в Риме и где можно услышать собственные мысли».

Это не было приглашением на свидание. Это был вызов. Предложение сменить игровое поле на то, где у него было преимущество. Анна понимала это. И именно поэтому согласилась.

«Почему бы и нет? Мои мысли сегодня довольно скучные, может, виски их немного оживит».

Они вышли из галереи в прохладу римского вечера. Его машина, темный, хищный седан, ждала у входа с водителем. Он открыл перед ней дверь, и это был не жест галантности, а жест хозяина. Анна села на холодную кожу сиденья, чувствуя себя так, словно добровольно зашла в клетку. Но в этом и был смысл эксперимента – исследовать свои реакции, свои границы.

Место, куда он ее привез, не было баром. Это был закрытый клуб на последнем этаже одного из современных зданий в деловом квартале Рима. Панорамные окна открывали вид на город, но это был не тот теплый, живой Рим, который она видела из своего окна. Отсюда город казался схемой, картой, подсвеченной миллионами огней. Игрушечный, управляемый, подчиненный.

Внутри было тихо. Несколько человек сидели в глубоких кожаных креслах, их разговоры были едва слышны. Никакой музыки. Только звон льда в бокалах и приглушенный гул города за стеклом. Их провели к столику у самого окна.

«Что вы будете пить?» – спросил он, когда официант бесшумно материализовался рядом.

«То же, что и вы», – ответила Анна. Она не любила виски, но сегодня это было неважно. Важно было принять его правила.

Они молчали, пока им не принесли напитки. Анна смотрела на город, на огни, бегущие по артериям улиц. Она чувствовала себя очень далеко от своей квартиры, от пыльных книг, от призрака Марко. Это был другой мир, с другими законами физики.

«Итак, Анна, – начал Эрик, медленно вращая бокал в руке, так что свет дробился в янтарной жидкости. – Вы писательница».

Это был не вопрос. Анна замерла. «Почему вы так решили?»

«Ваши руки, – сказал он, не глядя на них. – Они спокойны, но пальцы живут своей жизнью. Они постоянно ищут текстуру, форму. Как будто мысленно печатают. И ваш способ строить фразы. Вы не просто говорите, вы редактируете речь на ходу. И еще...» Он сделал паузу, отпил виски. «Вы наблюдаете. Не как женщина, которая ищет внимания, а как профессионал,

который собирает материал. Вы смотрите на людей так, словно пытаетесь понять их мотивацию, найти их трещину».

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он разобрал ее на части за пятнадцать минут знакомства. Вся ее броня, ее выстроенный образ оказались прозрачными для него.

«Это впечатляющий анализ, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вы финансист. Вы привыкли анализировать активы».

«Люди – самый интересный и самый непредсказуемый актив», – ответил он. – Написали что-нибудь успешное?»

«Одну книгу. Давно».

«И с тех пор молчите. Творческий кризис? Или что-то более... драматичное?» Он смотрел ей прямо в глаза, и в его сером взгляде не было сочувствия. Только исследовательский интерес.

Анна сделала глоток виски. Напиток обжег горло, но принес странную ясность. Играть в прятки с этим человеком было бессмысленно. Он видел все. Нужно было менять тактику. Не защищаться, а нападать.

«Назовем это драматичной паузой, – сказала она. – Иногда нужно разрушить старое здание, чтобы построить на его месте что-то новое. А вы, Эрик? Вы всегда строите или иногда и разрушаете?»

Он снова улыбнулся той же едва заметной улыбкой. «Я занимаюсь реструктуризацией. Это элегантный способ сказать, что я решаю, какие части здания нужно снести, чтобы оно не рухнуло целиком. Иногда приходится жертвовать красивым фасадом, чтобы спасти фундамент. Это требует холодной головы».

«И отсутствия привязанностей», – добавила Анна.

«Привязанности – плохой актив. Они неликвидны и тянут вниз балансовый отчет», – его голос был ровным, как отчет аудитора.

Они говорили так еще около часа. Это был не разговор, а поединок. Они фехтовали словами, парировали вопросы вопросами, наносили точные, выверенные уколы в попытке нащупать слабость друг друга. Анна рассказывала о своей работе, о книгах, которые любила, но ни словом не обмолвилась о Марко, о своей боли, о своем эксперименте. Эрик говорил о рынках, о психологии толпы, о сделках, которые он заключал в разных точках мира. Он говорил о власти, контроле и риске как о математических переменных. В его мире не было места для хаоса, для чувств, для того, что нельзя было бы просчитать и обратить в свою пользу.

Анна чувствовала странное, извращенное удовольствие от этой беседы. Ее ум, так долго дремавший в тумане апатии, проснулся. Он был вынужден работать на пределе своих возможностей, чтобы не уступать в этой словесной дуэли. Но вместе с этим росло и другое чувство – ощущение опасности. Этот человек был не просто игроком. Он был архитектором игр, в которых правила всегда писал он. И страсть, если она и могла возникнуть в его мире, была

бы такой же – просчитанной, контролируемой, опасной. Страсть как инструмент, как способ подчинить, а не соединиться.

«Вы интересная женщина, Анна, – сказал он, когда в их бокалах почти не осталось виски. – Вы построили вокруг себя очень высокую и красивую стену. Мне всегда было любопытно, что заставляло людей строить такие стены. Страх перед тем, что снаружи? Или страх перед тем, что внутри?»

«Иногда стены строят не из страха, а из-за усталости. Просто чтобы немного отдохнуть в тишине», – ответила она.

«Тишины не бывает. Бывает лишь затишье перед бурей». Он поставил свой бокал на стол. Звук был резким в окружающей тишине. «Поехали».

Это снова был не вопрос. Анна поднялась, чувствуя легкое головокружение – не столько от виски, сколько от умственного напряжения. Она не знала, куда они едут, и сознательно не спрашивала. Она доверяла течению этого странного вечера, желая посмотреть, куда он ее вынесет.

Машина остановилась у современного жилого комплекса, похожего на стеклянный кристалл. Его пентхаус был похож на него самого – огромный, минималистичный, холодный и безупречный. Мебели было мало, и каждая вещь казалась произведением искусства. Панорамные окна во всю стену создавали ощущение, что квартира парит над ночным Римом. Все было в серых, черных и стальных тонах. Ни одной лишней детали. Ни одной фотографии. Ни одной книги. Это было не жилище, а штаб-квартира.

«Хотите еще выпить?» – спросил он, открывая бар, встроенный в стену и похожий на сейф.

«Нет, спасибо. Вид – лучшее опьянение». Анна подошла к окну. Город лежал у ее ног, безмолвный и прекрасный в своей отстраненности. Она видела огни своего района, Трастевере, теплый, хаотичный клубок жизни, и отсюда он казался таким же упорядоченным, как и все остальное. Внезапно, в стекле она уловила какое-то движение. Не его отражение, а что-то другое. Ей на секунду показалось, что она видит блик объектива, знакомый силуэт с камерой на одной из крыш напротив. Лоренцо. Это было безумием. Паранойей. Игра воображения. Она резко обернулась. Эрик стоял в нескольких шагах позади, наблюдая за ней.

«Что-то не так?»

«Нет. Просто... на мгновение показалось, что город тоже смотрит на нас».

«Он всегда смотрит. Вопрос в том, кто находится на более выгодной позиции для обзора». Он подошел и встал рядом с ней, почти касаясь ее плечом. Она чувствовала холод, исходивший от него, даже сквозь ткань платья.

Они стояли молча, глядя на город. Тишина была другой, не такой, как в клубе. Там она была частью интерьера. Здесь она была наполнена напряжением, ожиданием следующего хода.

«Значит, вы решили, что игра стоит свеч», – сказал он тихо, его голос был почти шепотом, но в нем не было интимности. Это был голос игрока, оценивающего риски.

«Я еще не знаю правил, чтобы оценить ставки», – ответила Анна, не поворачивая головы.

«Правило только одно, – сказал он. – Не лгать. Особенно себе».

Он медленно поднял руку. Анна напряглась, ожидая прикосновения к талии, к плечу, к лицу. Но он сделал нечто иное. Он не коснулся ее. Он провел пальцами по холодному стеклу окна, обводя ее отражение. Его пальцы скользили по контуру ее лица, шеи, плеч в стеклянной поверхности. Это было до странности интимно и в то же время абсолютно отстранено. Он касался не ее, а ее образа. Ее тени.

«Вот она, ваша стена, – прошептал он, его губы были совсем близко к ее уху. – Тонкая, прозрачная, холодная на ощупь. Но попробуй ее сломать – и можно сильно порезаться».

Сердце Анны забилося быстрее. Это была игра, которую она не понимала. Он не пытался ее соблазнить. Он не пытался ее впечатлить. Он ее препарировал. Изучал.

А потом он совершил второе касание.

Он мягко взял ее руку. Не так, как Лука – просто, по-человечески. Он взял ее ладонь и перевернул ее тыльной стороной вверх. Его большой палец медленно, с едва ощутимым нажимом, прошелся по тонкой коже ее запястья, там, где просвечивали голубые вены и бился пульс.

Вот оно. Второе касание.

Это не было прикосновение страсти. И не нежности. Это было прикосновение власти. Жест собственника, проверяющего качество своего приобретения. Жест врача, измеряющего пульс. Жест оценщика, определяющего подлинность. В этом простом движении было все: контроль, знание, утверждение своего превосходства. Он держал в своих пальцах биение ее жизни, и он знал это.

Тело Анны отреагировало мгновенно. Но не теплом, как с Лукой. Ее пронзил ледяной ток. Это было не возбуждение, а осознание. Осознание опасности. Она вдруг поняла, что страсть может быть не огнем, который согревает, а холодом, который сковывает. Она может быть не освобождением, а самой изощренной формой тюрьмы. Отдать себя во власть такого человека означало бы не найти себя, а потерять окончательно. Раствориться в его силе, стать еще одним его активом, красивым, но бездушным предметом в его коллекции.

Она резко отдернула руку, словно от раскаленного металла.

«Что-то не так?» – спросил он снова, и в его голосе не было ни удивления, ни обиды. Лишь холодное любопытство.

«Я думаю, мне пора, – сказала Анна, ее собственный голос показался ей чужим. – Спасибо за виски».

Она повернулась и пошла к двери, не оглядываясь. Она чувствовала его взгляд на своей спине – цепкий, анализирующий. Она была уверена, что он не двинется с места, чтобы ее остановить. Игра была окончена. Он получил ответ на свой вопрос, а она – свой урок.

Он не ошибся. Он молчал, пока она не дошла до двери.

«Анна, – позвал он. Она остановилась, не оборачиваясь. – Когда решите снести свою стену, убедитесь, что у вас есть план нового строительства. Иначе на руинах поселятся призраки».

Она ничего не ответила. Просто открыла дверь и вышла в тихий коридор, который вдруг показался ей путем к спасению.

На улице ночной воздух ударил в лицо, отрезвляя. Она отказалась от машины, которую предложил консьерж, и пошла пешком. Ей нужно было идти. Нужно было чувствовать под ногами твердую землю, видеть обычные, неидеальные улицы, слышать живые звуки города. Она шла быстро, почти бежала, словно пытаясь стряхнуть с себя холод его прикосновения, липкую паутину его власти.

На ее запястье все еще горело ледяное пятно от его пальца. Она остановилась под фонарем и посмотрела на свою руку. Кожа была бледной, вены – синими. Ничего не изменилось. Но она чувствовала это место как клеймо. Клеймо, напоминающее о том, что есть касания, которые не оживляют, а умерщвляют. Которые не соединяют, а подчиняют.

Она поняла, почему так отчаянно цеплялась за Марко. Он был архитектором, но он строил для нее мир, полный света и воздуха. Он наполнял ее, а не опустошал. Его власть была властью любви, созидания. Эрик же был разрушителем, реструктуризатором душ. Он находил трещины и расширял их, чтобы посмотреть, что внутри.

Дома она долго стояла под горячим душем, пытаясь смыть с себя невидимый след этого вечера. Она терла кожу докрасна, но холод, казалось, проник внутрь. Это была не физическая, а экзистенциальная прохлада. Ощущение собственной уязвимости перед лицом чужой, расчетливой воли.

Выйдя из ванной, она подошла к ноутбуку. Экран светился в темноте комнаты. Она села и положила руки на клавиатуру. Ее пальцы замерли. Она думала о двух касаниях. Первое – неловкое, почти случайное касание кончиков пальцев Луки. Оно было как искра, зажегшая сухой хворост. Оно пробудило тело. Второе – выверенное, властное прикосновение Эрика к ее пульсу. Оно было как укол иглой с ядом. Оно пробудило разум. Оно показало ей, что есть бездны страшнее, чем апатия.

Она поняла, о чем будет ее вторая глава. Она будет не о страсти, а об ее иллюзии. О том, как легко спутать силу с любовью, контроль с заботой, игру с близостью. О театре, где люди разыгрывают драму власти, используя чувства как реквизит.

Она начала печатать. Слова приходили легко, они были острыми, точными, холодными. Она описывала блеск стекла, отражение города в окнах, вкус виски, тишину, звенящую от невысказанных угроз. Она описывала прикосновение к запястью не как ощущение, а как концепцию. Как символ.

Она писала всю ночь, не чувствуя усталости. Это был другой вид творчества, не тот, что был ей знаком раньше. Не выплеск эмоций, а их холодный анализ. Она препарировала свой опыт, как Эрик препарировал ее. Она превращала опасность в текст, обретая над ней контроль.

Когда первые лучи рассвета коснулись крыш Рима, она написала последнее предложение и откинулась на спинку стула. Глава была закончена. На запястье больше не было ледяного пятна. Оно перешло на страницу, застыв черными буквами на белом фоне. Анна почувствовала опустошение, но это было хорошее опустошение. Как после тяжелой, но необходимой работы. Она сделала еще один шаг. Она узнала, что есть чувства, от которых хочется бежать. И это тоже было чувство. Значит, она все еще была жива. И путешествие продолжалось.

Шрамы, которые мы целуем

Пальцы Эрика не оставили следов на ее коже, но их холод, казалось, проник глубже, в самую структуру костей. Это было не прикосновение, а анализ. Не касание, а вскрытие. Он не искал тепла, он искал трещины. После ночи с Лукой в ее теле оставалось призрачное эхо жизни, тихий гул в давно обесточенных проводах. После вечера с Эриком осталась лишь стерильная тишина операционной и острое, интеллектуальное понимание собственной уязвимости. Он показал ей, что власть – это не крик, а шепот, что самый прочный поводок выкован из холодного расчета, а не из горячей страсти. Он не пытался разжечь в ней огонь, он хотел заключить ее в идеальный, безупречный кристалл льда. Она ушла от него, но ощущение холода на запястье, там, где его палец прощупывал ее пульс, оставалось с ней еще несколько дней, как фантомная боль.

Она поняла, что ее эксперимент был наивен в своей прямолинейности. Она думала, что касания – это ступени лестницы, ведущей наверх, из колодца. Но теперь ей казалось, что это скорее исследование самого колодца, его глубины, его стен, его текстуры. Первое касание, Лука, было осязанием теплого, живого мха на камнях. Второе, Эрик, – прикосновением к острому, холодному сколу гранита. Оба были реальны. Оба были частью ее тюрьмы. Но ни одно из них не было причиной ее падения. Чтобы двигаться дальше, ей нужно было коснуться дна. Того самого места, куда она рухнула год назад. Ей нужно было встретиться с архитектором своей катастрофы.

Имя Марко все еще было заперто в самом дальнем, пыльном чулане ее сознания. Она не произносила его вслух, не писала его на бумаге, но оно жило в ней, как застарелая болезнь, как осколок, вросший в плоть. Он был не просто бывшим возлюбленным. Он был ее соавтором, ее редактором, ее миром. Он выстроил для нее жизнь, как строят здание: с идеальными пропорциями, с продуманным освещением, с безупречным видом из окон. А она, опьяненная красотой конструкции, не заметила, как эта жизнь стала для нее одновременно и домом, и клеткой. Он любил ее не как женщину, а как свой самый удачный проект. А когда она начала меняться, расти, выходить за рамки его чертежей, когда ее собственная книга принесла ей успех, который он не планировал, он просто убрал несущую стену. И все рухнуло.

В углу ее спальни, под слоем пыли, стояла картонная коробка. В ней лежали его вещи, которые он не забрал, уходя: несколько книг по архитектуре с его пометками на полях, старый свитер, пахнувший уже не им, а пылью и забвением, коллекция виниловых пластинок с джазом, который они слушали по вечерам, пара запонок, забытых в спешке. Год она не могла заставить себя прикоснуться к этой коробке. Она была для нее саркофагом их общей жизни, ящиком Пандоры, который она боялась открыть. Но теперь она поняла, что это не саркофаг. Это был якорь. И он держал ее на месте.

Третье касание. Боль. Она знала, что оно будет таким. Но это должна была быть чистая боль, дистиллированная, без примеси надежды или обиды. Боль как диагноз. Боль как точка отсчета.

Ее пальцы дрожали, когда она нашла в телефоне его номер. Он не был подписан именем. Просто номер. Последовательность цифр, лишённая эмоций. Она смотрела на него несколько минут, прежде чем написать сообщение. Слова подбирались с трудом, словно она разучилась говорить на их общем языке. «Привет. У меня остались твои вещи. Я бы хотела их вернуть».

Коротко. Официально. Безэмоционально. Она нажала «отправить» и почувствовала, как ее сердце ухнуло в пустоту, словно она только что шагнула с обрыва.

Ответ пришел почти сразу. Так было в его стиле. Быстро, эффективно, без лишних сантиментов. «Привет, Анна. Конечно. Когда тебе удобно?»

Они договорились встретиться через два дня в маленьком кафе на Авентинском холме. Место выбрал он. Это было их место. Первое, куда он привел ее, когда они только познакомились. Идеальный выбор для архитектора: с холма открывался вид на Рим, расчерченный на кварталы и эпохи, а само кафе было тихим, уединенным, словно ложа в театре истории. Он всегда любил занимать позицию наблюдателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.